

Юань Хэн, не смущаясь, окинул его пристальным взглядом. На Сяо Цзыюе поверх рубашки был надет нежно-лиловый кашемировый свитер. Длинные волосы перехвачены резинкой на затылке, хотя несколько непослушных прядей все же выбились и прикрывали алое родимое пятно под глазом. Наверное, от короткой прогулки юноше стало жарко: рукава были слегка закатаны, и на хрупких запястьях проступал легкий румянец.

Юань Хэн протянул ему левую руку. Они замерли друг напротив друга, точно перед зеркалом. Широкая ладонь обхватила кисть Сяо Цзыюя, пальцы сжались чуть сильнее, чем требовал этикет, и большой палец с едва уловимым торжеством прошелся по выступающей косточке запястья.

Сяо Цзыюй на миг опешил. В прочитанных им книгах описывалось, что при рукопожатии принято подавать правую руку. Неужели он что-то перепутал?

— Почему не идешь к остальным? — спросил Юань Хэн.

Сяо Цзыюй качнул головой. О семье Мэн он почти ничего не знал, а лишние слова легко могли обернуться ошибкой. Достанься Мэн Лэюю хоть малейший повод прицепиться — и жизнь здесь станет совсем невыносимой.

Ответ звучал безупречно сдержанно:

— Не слишком люблю шумные компании.

И это было правдой. Прожив три года в статусе Мужа-правителя, он даже в те дни, когда практически не расставался с Юань Хэном, редкий раз показывался на людях и старался не вмешиваться в дворцовые дела.

— Что ж, выгуливать пылесос — занятие действительно уединенное, — Юань Хэн отступил в сторону. Лишившись препятствия, робот с тихим жужжанием возобновил свою усердную работу.

Сяо Цзыюй не смутился собственного невежества и промолвил со спокойным достоинством:

— Просто показалось в новинку.

Неторопливо беседуя, они вернулись на передний двор, где их тут же окружили женщины. Сюэ Цзиньлин порывисто шагнула вперед и с искренней теплотой взяла Сяо Цзыюя за руку:

— Какой же ладный мальчик! Вживую куда красивее, чем на снимках.

Сяо Цзыюй чуть прищурил свои изящные фениксовы глаза:

— Здравствуйте, тётушка Сюэ.

— Ах, до чего воспитанный, — Сюэ Цзиньлин ободряюще взглянула на него и кивнула в сторону пасынка. — Ну как, поговорили? Наш Хэн-эр пришелся тебе по душе?

Вопрос прозвучал чересчур впрямую — о чувствах и симпатиях не говорят столь беспардонно. Сяо Цзыюй искоса взглянул на Юань Хэна, но тот лишь поджал губы, храня полное равнодушие к порывам мачехи. Пришлось ответить уклончиво:

— Господин Юань чрезвычайно хорош собой и весьма учтив в беседе. Общение с ним вышло крайне познавательным.

— Ой, вы только послушайте, как затейливо заворачивает! Будто из книжки старинной цитирует, — рассмеялась Сюэ Цзиньлин. — А по-моему, вы прямо-таки идеальная пара.

Сяо Цзыюй поджал губы. Вовсе он не «заворачивал» — напротив, всеми силами пытался освоить современную разговорную речь.

— Просто ему на днях придется репетировать со мной роли для «Сумерек в кленовом лесу», вот и нахватался книжных фразочек, — Мэн Лэюй пренебрежительно закатил глаза. — Кого из себя корчит?

Госпожа Мэн торопливо вмешалась, сглаживая неловкость:

— А Цзыюй прав! Юань Хэн — молодой человек видный, учтивый и деловитый. Нам с Яньчжи будет абсолютно спокойно за сына, если он попадет в семью Юань.

Юань Хэн никак не прокомментировал ее слова, продолжая молча стоять рядом с безупречно вежливой полуулыбкой.

Сяо Цзыюй бросил на него украдкой короткий взгляд. Прежняя непринужденность и усмешка испарились — Юань Хэн словно надел на себя гладкую, безукоризненную маску. В душе юноши снова вспыхнуло сомнение: помнит ли тот свою прошлую жизнь?

— Ну полно вам, барбекю почти готово! Пойдёмте к столу, что всухомятку стоять, — подал голос Мэн Яньчжи и тут же заискивающе повернулся к Юань Хэну: — Вагю из Японии утренней доставкой привезли, свежайшее! Попробуйте, молодой господин Юань, надеюсь, придется вам по вкусу.

Юань Хэн даже не взглянул на мраморное мясо. Взгляд его был прикован к профилю Сяо Цзыюя.

— Вкус наверняка окажется безупречным, — с нескрываемым подтекстом ответил он.

Уличное барбекю, как и китайский хот-пот, — штука объединяющая: совместная трапеза на свежем воздухе быстро сближает людей.

Няня Ван раздала всем фартуки. Разговор за столом тек непринужденно. Юань Хэн держался безукоризненно: он легко подхватывал и темы бизнеса, и светские беседы, и даже мог дать пару толковых советов дамам касательно ухода за собой. Сняв пиджак и отложив его в сторону, он остался в светло-сером жилете, который плотно облегал подтянутый, крепкий торс. Рукава рубашки были аккуратно закатаны до предплечий; опираясь локтями о колени, он демонстрировал сильные руки с отчетливо проступающими венами.

Такое жаренье мяса на углях Сяо Цзыюй застал еще в Великом Лян, вот только тогда подобным образом стряпали бедняки, у которых не водилось нормальной утвари. Удивительно, как за пару веков все перевернулось с ног на голову: ныне богачи добровольно терпят гарь и дым ради этого развлечения.

В прошлой жизни Сяо Цзыюй принимал слишком много снадобий и соблюдал строжайшую диету, отчего привык к самой простой, пресной еде. Взяв шампур с грибами, он машинально крутил его над огнем. Чужие разговоры давались ему с трудом, но и уйти в свои мысли юноша не смел: если у Юань Хэна действительно сохранилась память о прошлом, нельзя допустить ни единого промаха.

Однако неприятности всегда случаются именно тогда, когда их меньше всего ждешь. Юань Хэн, хоть и поддерживал оживленную беседу с остальными, непрестанно наблюдал за ним краем глаза.

— Подгорает, — невзначай уронил он.

Сяо Цзыюй вздрогнул и поднял шампур. И верно — обмазанные маслом шиитакэ вспыхнули ярким пламенем, обугливаясь на глазах.

— Ой, горит! — визгливо вскрикнул Мэн Лэюй. — Ты совсем дурак?! Какой недотёпа!

Вырванный из отчуждения Сяо Цзыюй вздрогнул. Рука дёрнулась, и горящие искры вот-вот готовы были осыпаться на чистую посуду, но тут сбоку метнулась чужая ладонь. Юань Хэн крепко перехватил его за запястье и легко забрал дымящийся шампур.

Сяо Цзыюй даже не успел испугаться. Все его внимание приковалось к сухим длинным пальцам, сжимавшим его руку. В той, прошлой жизни Юань Хэн точно так же любил хватать его за запястья. В добром расположении духа — ластился и липнул, а в гневе — сжимал обе его кисти одной ладонью, задира над головой и с холодным наслаждением наблюдал, как юноша беспомощно бился в его хватке, словно пойманная рыба.

Погрузиться в воспоминания ему не дали. Юань Хэн ослабил хватку и протянул ему готовую шпажку с курицей и овощами:

— Начни с этого.

Сяо Цзыюй поднял глаза и встретил едва заметную, изогнутую в уголке губ улыбку.

— Похоже, с молодыми господами в семье Мэн обходятся чересчур бережно, — ровным тоном произнес Юань Хэн. — Позвольте уж мне взять кухонные заботы на себя.

— Ах, до чего же вы заботливы, господин Юань! — Госпожа Мэн кокетливо похлопала мужа по плечу. — Учился бы у молодежи!

Сяо Цзыюй не расслаблялся ни на миг. Не зная, искренне ли проявляет участие этот человек или лишь разыгрывает спектакль, он просто уткнулся в тарелку и стал молча есть. Куриное мясо оказалось удивительно сочным, с легким сладковатым оттенком, а в сочетании с хрустящими кусочками овощей вовсе не отдавало копотью.

Японские якитори требуют особого внимания к огню. Юань Е прождал добрых десять минут, надеясь первым получить готовую порцию, но брат беззастенчиво перехватил угли. Упрямство парня взяло верх:

— Брат, я вообще-то куриные недоразвитые яйца ждал!

Сяо Цзыюй перевел взгляд на говорившего. До этого момента все его мысли были заняты дуэлью с Юань Хэном, и он даже не присмотрелся к младшему брату. Теперь же, взглядевшись в юношеские черты, Сяо Цзыюй замер с полусъеденной шпажкой в руках.

Перед ним стоял Восьмой принц.

Когда восемнадцатилетний Сяо Цзыюй впервые ступил за порог дворца, Юань Хэн едва достиг совершеннолетия, а Восьмому принцу, Юань Е, исполнилось от силы лет одиннадцать. Тот был миловидным, пухлощеким мальчуганом с большими черными глазами — истинная фарфоровая кукла.

Из-за разницы в возрасте принц не находил общего языка с младшими братьями и сестрами. Зато Сяо Цзыюй умел показывать невиданные фокусы, пел и танцевал, поэтому малец каждый день прибегал в покои старшего брата, чтобы поиграть с его Мужем-правителем.

Позже Сяо Цзыюй стал вести уединенный образ жизни, и они виделись всё реже, а затем Юань Хэн и вовсе запер его в глубоком дворе Восточного дворца, куда даже вороны залетали лишь случайно.

Кто бы мог подумать, что этот очаровательный пухляш вымахает в такого юношу!

Черты его лица унаследовали ту же чеканность, что и у старшего брата: прямой, гордый нос, мальчишеский задор во взгляде, чуть опущенные уголки глаз... Красив, ничего не скажешь, хотя и выглядит немного простоватым.

Долго разглядывать человека было неэтично. Сяо Цзыюй опустил глаза, приходя к выводу: Восьмой принц остался таким же милым, разве что с виду стал капельку недотепистым.

Юань Хэн одарил брата прохладным взглядом и молча выложил требуху на решетку. Юань Е пару секунд помялся и сдулся:

— Ладно, сам поджарю.

Сюэ Цзиньлин бросила на сыновей вроде бы случайный взгляд и со смешком заметила:

— Наш младший только брата и боится. В обычной жизни никого ни во что не ставит, а перед Хэн-эром — вы только посмотрите, какой шелковый!

Юань Е чувствовал себя уязвленным, но авторитет старшего брата был абсолютным. Желая сместить фокус внимания, он решил втянуть в разговор Мэн Лэюя:

— Лэюй, а у тебя в «Сумерках в кленовом лесу» какая роль?

Мэн Лэюй лишь закатил глаза. В этом проекте ему досталась крайне неблагодарная роль второстепенного персонажа — мелкого целителя. Однако компания «Чаоян Культура» выступала одним из инвесторов драмы, возлагая на этот телепроект большие надежды. Как артист «Чаоян», Лэюй рассчитывал благодаря этой роли выслужиться перед Боссом Хуаном и заполучить главную роль в каком-нибудь бюджетном сериале, но все планы пошли прахом.

Впрочем, экранного времени у него действительно было кот наплакал. Снимется в паре крупных планов, а остальную рутину спихнет на Сяо Цзыюя — пусть отдувается за дублера.

Не желая вдаваться в подробности, Мэн Лэюй небрежно бросил:

— Да так, крошечный эпизод. К тому же у меня сейчас совсем нет времени на съемки — съемки, реклама, график расписан.

А «график» состоял из единственного контракта на рекламу собачьего корма, который с трудом выбил для него отец.

— А-а, так ты будешь использовать дублера? — Юань Е решительно возомнил, что постиг тайные механизмы шоу-бизнеса, но развивать мысль ему не дали.

Юань Хэн изящным движением отрезал сочную полоску ягнятины, завернул ее в лепешку и небрежно спросил:

— И кто же дублер?

— Я, — Сяо Цзыюй поднял взгляд.

За последние дни он успел разобраться в ситуации. Прежний хозяин этого тела часто ездил с Мэн Ляоюем на съемочную площадку. И хотя тот «Сяо Цзыюй» с трудом разбирал грамоту, он обладал врожденной гибкостью и изумительной координацией.

Сложные трюки он подхватывал на лету, движения постановщиков повторял с первой попытки и даже несколько раз работал на тросах.

Он молчал, не жаловался на усталость, не умел рассказать о полученных травмах и выкладывался на съемочной площадке с усердием, удивлявшим даже режиссера. Настоящий безотказный батрак.

Родителям Мэн было совершенно плевать на его подработки — они во всем потакали родному сыну. Лишь няня Ван, заметив однажды гематомы на ребрах юноши, когда помогала ему переодеться, долго плакала и причитала от жалости.

Сяо Цзыюй уже составил представление о фото- и видеосъемке. Прежде люди в свободное время ходили в театр, чтобы послушать оперу и посмотреть представление, а теперь заворуженно уставлялись в светящиеся экраны, разглядывая заранее записанные кадры.

Актеры и древние лицедеи вышли из одного корня. И пусть ему отводилась роль безликого дублера без единой строчки текста, Сяо Цзыюй, по сути, возвращался к своему ремеслу.

Проведя полжизни в театральной труппе, он на собственной шкуре усвоил: мастерство — единственный надежный оплот. Актерское дело должно стать его опорой в этом новом мире. Лишь обрета независимость, он сумеет вырваться из-под власти семьи Мэн.

Юань Хэн едва заметно нахмурился:

— Работа каскадера тяжела и неблагодарна. Что ж, молодой господин Сяо, вы умеете удивлять.

— Ныне мой разум прояснился, да и по возрасту я взрослый человек. Негоже сидеть на шее у семьи — лучше иметь собственное дело, — ответил Сяо Цзыюй, не допустив ни единой

оговорки.

Юань Е, доедая запеченный желток, толком ничего не понял, но почувствовал, что после слов Сяо Цзыюя брат будто бы омрачился.

Обед подошел к концу. Юань Хэну и Юань Е требовалось навестить отца в пансионате, поэтому они поднялись, собираясь отбыть.

Перед отъездом госпожа Юань попросила у Сяо Цзыюя прядь волос. Она пояснила, что отнесет их монахам в храм для ритуала связывания волос — традиционного символа брачного союза.

Сяо Цзыюй аккуратно срезал прядь ножницами и передал ей. Сюэ Цзиньлин с удовлетворением завернула ее в алый шелк:

— Раз уж все решено, Цзыюй, может, съездишь к Юань Хэну в Ланьхай на пару дней? Молодым стоит лучше узнать друг друга.

Апартаменты Ланьхай были личной собственностью Юань Хэна — он купил их еще до окончания университета и уже давно жил отдельно от семьи.

Госпожа Мэн мечтала поскорее сбыть пасынка с рук, однако для приличия вставила:

— Разумеется, совместное проживание — дело сугубо добровольное. Пусть Цзыюй решает сам.

Юань Хэн, казалось, не имел ничего против предложения мачехи. Его спокойный взгляд замер на Сяо Цзыюе. От сочной пищи и напитков губы юноши влажно блестели, а родинка под глазом казалась ярче прежнего, притягивая к себе внимание.

— Брак — дело серьезное, и мнение старших первостепенно, однако я лишь недавно оправился от недуга и хотел бы провести родных побольше. Благодарю за доброту, госпожа Юань. — Сяо Цзыюй чуть приподнял подбородок, стойко выдерживая взгляд. Не зная наверняка, сохранил ли Юань Хэн воспоминания о прошлой жизни и восстановит ли их в будущем, юноша не намеревался добровольно шагнуть в тигриное логово.

Юань Хэн скользнул взглядом ниже, к тонким ключицам юноши, и только затем неторопливо ответил. Даже получив отказ, он сохранял облик безупречно воспитанного джентльмена:

— Что ж, ничего страшного. В Ланьхае для тебя всегда открыта комната. Когда будешь готов — милости прошу.